

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
УЖГОРОДСКАЯ УКРАИНСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ АКАДЕМИЯ
имени святых Кирилла и Мефодия

на правах рукописи

игумен Агапит (Юрков)

Преподобный Феодор Санаксарский как самобытный возродитель
русского монастырского старчества второй половины XVIII века

Специальность: Практическое богословие

Автореферат
защищенной диссертации на нострификацию
научной степени кандидата богословия
на научную степень доктора богословия

Ужгород – 2008

Диссертация является рукописью

Научная работа выполнена в докторантуре
Ужгородской Украинской Богословской Академии
имени святых Кирилла и Мефодия

Научный консультант: Ректор Ужгородской Украинской Богословской Академии, доктор философии, профессор, протоиерей Виктор Бедь.

Официальный оппонент: доктор богословия, профессор, архимандрит Василий (Садварий).

Нострификация состоится на заседании Специализированного Ученого совета Ужгородской Украинской Богословской Академии имени святых Кирилла и Мефодия «17» ноября 2008 года в 12 часов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ужгородской Украинской Богословской Академии имени святых Кирилла и Мефодия.

Ученый секретарь
Специализированного Ученого Совета,
игумен Евфросин (Билаш)

(подпись) (Ф.И.О.)

М.П.

Актуальность избранной диссертационной темы

Прославленный 10–11 июля 1999 года первым из теперь уже целого сонма святых Саранской и Мордовской епархии, а затем и прошедший общецерковную канонизацию святой преподобный старец Феодор Санаксарский (1718–1791; память 19 февраля/4 марта и 21 апреля/4 мая) никогда не был обделен вниманием писателей, издателей и ученых.

Его славное имя, строгая подвижническая жизнь, ревностное старческое служение и удивительные по самоотверженности подвиги были отмечены и такими известными деятелями церковно–исторической науки, как Игорь Корнильевич Смолич (27.01.1898–2.11.1970), писавший о нем в своих широко известных трудах «Жизнь и учение старцев» (1936) и «Русское монашество. 988–1917» (1952); протоиерей Сергей Четвериков, наиболее глубоко исследовавший жизнь, учение и влияние на православное монашество Молдавского старца Паисия Величковского и упоминавший о заслугах старца Феодора Ушакова в своем фундаментальном труде «Правда христианства», в разделе о росте православного старчества в XVIII и XIX веках; и Иван Михайлович Концевич (13.10.1893–6.07.1965), выпускник Парижского Богословского института, преподававший затем Патрологию в Свято–Троицкой Джорданвильской Духовной Семинарии, и автор вышедшей в 1952 году книги «Стяжание Духа Святаго в путях древней Руси», которая стала впоследствии первой главой задуманного им большого труда «Оптина пустынь и ея время», увидевшего свет уже после его кончины.

Но, к великому сожалению, ценные сами по себе публикации названных ученых в тех их местах, которые относятся к личности и трудам старца Феодора с одной стороны содержат ряд существенных фактических неточностей, а с другой – ограничивают его вклад в возрождение монастырского старчества упоминанием о строгости жизни в организованном им в Санаксаре монашеском общежитии, хотя и приводят примеры его личного старческого руководства рядом учеников, ставших затем с легкой руки Санкт–Петербургского и Новгородского митрополита Гавриила (Пет-

рова) основными движущими силами в проводимой этим святителем линии возрождения общежительных монастырей и насаждения в них духовничества.

События, предшествовавшие и сопутствовавшие канонизации святого, вызвали появление серии новых публикаций. Эта, в основной своей массе, житийная литература в лучших своих образцах уточняет даты основных событий его жизни и имена связанных с ними лиц, но все же с той или иной степенью обстоятельности повторяет или прямо пересказывает уже известные его жизнеописания. Фактов накопилось много, но никто не предпринимал попытки целенаправленного исследования особенностей старчества этого прославленного подвижника. Непосредственное соприкосновение с преподобным и богоносным отцом Феодором Санаксарским, которое нам довелось пережить в мае–июне 1999 года при проведении освидетельствования его святых мощей и составлении проекта посвященной ему полной бденной службы, расположили нас из благоговения к памяти этого великого мужа, постараться восполнить этот пробел в выполненной нами работе.

Цель и задачи исследования

Целью данной диссертации является по возможности полная и объективная оценка самобытности и значимости подвигов и трудов по возрождению русского монастырского старчества, понесенных преподобным Феодором Санаксарским во второй половине XVIII века.

В связи с этим перед исследованием были поставлены следующие задачи:

1. Ознакомиться с особенностями становления личности и мотивацией трудов преподобного старца Феодора Санаксарского по созиданию собственного духа и окормлению других.
2. Выяснить причинно-следственные связи и особенности его старчества в Санкт-Петербурге в среде благочестивых мирян.

3. Разобрать начало собственно монастырского старчества преподобного Феодора в Санаксаре.

4. Определить евангельские, апостольские и святоотеческие источники аскетического самообразования преподобного и их значение при назидании его духовных учеников и учениц.

5. Выделить главные аскетические приемы и нормы проводимого старцем Феодором (Ушаковым) духовного руководства монашествующими и мирянами и отличающие его делание благодатные духовные дары.

6. Рассмотреть масштабы и степень духовного влияния святого Феодора на его современников и потомков.

7. Оценить самостоятельность и степень важности его вклада в возрождение и поддержание истинного монастырского старчества на Руси.

Предмет и объект исследования

Предметом исследования, как это следует из самого наименования диссертационной работы, являются обстоятельства возобновления русского монастырского старчества второй половины XVIII века. А объектом исследования выбран жизненный путь и деятельность одного из самых самобытных виновников этого процесса – скромного и одновременно великого подвижника и наставника в подвигах преподобного старца Феодора Санаксарского.

Методологическая основа и методы исследования

Методологической основой исследования является выстроенное в хронологическом порядке последовательное изучение биографии и трудов святого старца Феодора и связанных с ним в русле нашего исследования исторических церковных и гражданских лиц.

Для этого были осуществлены дополнительные разыскания в Российском Государственном Историческом Архиве, Российском Государственном Военно-историческом Архиве, Российском Государственном Ар-

хиве Военно-морского флота, Филиале Государственного Архива Ярославской области города Ростова и Российской Государственной Библиотеке.

Проработана вся доступная отечественная литература. Сделаны качественные цифровые копии гравюр, портретов и факсимиле всех значительных участников рассматриваемых в диссертации событий.

Хронологически представлено почитание старца Феодора его современниками и увековечивание его памяти его учениками и почитающими его потомками.

Рассмотрена история возобновленной преподобным Феодором Санакарской обители вплоть до наших дней.

Изучены и проиллюстрировали диссертацию уникальные материалы по обретению мощей преподобного и их антропологическому и медицинскому освидетельствованию.

Научная новизна работы

Проведена первая в этом роде попытка детального изучения и целевого описания старческих трудов преподобного Феодора Санакарского.

Подтверждены или пересмотрены духовные взаимосвязи этого самобытного русского подвижника с другими старцами-подвижниками его времени (в частности, святителем Тихоном Задонским, старицей Китаевской пустыни Киево-Печерской Лавры преподобной Досифеей; преподобным Назарием, игуменом Валаамским; преподобным Паисием Величковским; преподобным Зосимой Верховским).

Найдена и оцифрована рукопись, послужившая основой публикации первого жизнеописания иеромонаха Феодора (Ушакова) в 1848 году, подготовленного по благословению святителя Филарета Московского и преподобного Макария Оптинского монахом Оптиной пустыни Порфирием (Григоровым).

Изучены, скопированы и представлены в работе первичные материалы по канонизации преподобного Феодора в лике местно чтимых святых с резолюциями Предстоятеля Русской Православной Церкви; Председателя

Синодальной комиссии по канонизации святых митрополита Ювеналия и Управляющего Саранской и Мордовской епархией архиепископа Варсонофия.

Подробно объяснены смысловое содержание и источники вдохновения проекта полной бденной службы и акафиста старцу Феодору, составленных автором данного исследования.

Практическая значимость полученных результатов

Выполненное исследование аргументированно выявило самобытность и значимость подвигов и трудов старца Феодора в возрождении истинного монастырского старчества. Указаны и опровергнуты недочеты прежних именитых исследователей, недооценивавших вклад этого святого.

Некоторые из составленных в честь преподобного старца Феодора песнопений (литийная стихира, тропарь) и молитва этому святому нашли свое применение в Торжествах его прославления. Акафист и служба стали базовыми для молитвенного обращения к святому в стенах Санаксарской обители и далеко за ее пределами. Девять песнопений Службы в исполнении братского хора Санаксарской обители записаны на CD диске.

По инициативе сестричества при Свято-Духовом храме Лазаревского кладбища города Москвы издательством имени святителя Игнатия Ставропольского по материалам исследования в 2005 году по благословению епископа Южно-Сахалинского и Курильского Даниила издана книга «Санаксарский возобновитель древнего старчества. Житие преподобного Феодора Санаксарского» благотворительным тиражом в 6 тысяч экземпляров, средства от продажи которого пошли на нужды Южно-Сахалинской и Курильской епархии.

Преподобный Феодор внесен в святцы Русской Православной Церкви как общерусский святой.

Структура диссертации

Диссертация представлена на 368 страницах, и состоит из введения на пяти страницах, трех глав общим объемом 244 страницы с 78 рисунка-

ми, заключения на четырех страницах, библиографии из семи рукописных источников и 84 наименований литературы, а также приложения из шести материалов, представленных на 96 страницах.

Первая глава диссертации посвящена жизненному пути преподобного старца Феодора от его рождения до погребения, и занимает с 10-й по 102-ю страницу включительно. Глава не имеет подзаголовков, так как последние дробили бы цельное повествование и мешали бы рассмотрению духовного роста и развития этого святого в русле заявленной цели данного исследования.

В начале главы на основании и со ссылкой на Российский Государственный Исторический Архив дается историческая справка о роде Ушаковых, по семейному преданию имеющем своим родоначальником Тмутараканского князя Мстислава († 1036) – сына святого равноапостольного Киевского князя Владимира Святославича († 1015, память 15/28 июля).

Указывается, что преподобный Феодор родился в 1718 году в сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции в семье потомственных дворян города Романова Игнатия Васильевича и Ирины Васильевны Ушаковых, и в святом крещении был наречен Иоанном. В шестилетнем возрасте он лишился матери, умершей следом за своей новорожденной дочерью. И труды по воспитанию будущего старца Феодора взяла на себя вторая жена Игнатия Васильевича Параскева Ивановна. Теплые воспоминания о ней преподобного стали причиной того, что в рукописном Жизнеописании старца и следом за ним во всех дореволюционных изданиях она считается и называется его родной матерью.

Большое семейство Ушаковых состояло в приходе храма Богоявления–на–острову, находившегося в трех верстах от Бурнаково на левом берегу Волги в одноименном селе Богоявленском (ныне деревня Хопылево).

Здесь в Богоявленской церкви и крестили новорожденных Ушаковых, и здесь же неподалеку покоились на погосте их предки.

При мужском Островском Богоявленском монастыре, в храме кото-

рого молились Ушаковы, была школа для дворянских детей, где и они обучались грамоте и счету. Влияние обители, несомненно, положительно сказывалось на детях, тем более что и сами Ушаковы традиционно почитали главным условием воспитания детей развитие высоких религиозных чувств и строгой нравственности.

Выбор жизненного пути дворянских детей определялся государственной необходимостью. Юношей из мелкопоместных дворянских семей обыкновенно определяли на военную государеву службу в различные полки. Сыновья Игнатия Васильевича Ушакова пошли служить в отборную Преображенскую гвардию. 15 июня 1735 года был принят в бомбардирскую роту лейб-гвардии Преображенского полка, присоединившийся к своим старшим братьям Иоанн. В январе 1741 года братья Ушаковы были отпущены в долгосрочный отпуск, и двадцатитрехлетний Иоанн получил возможность в течение целого года посещать родную для себя Богоявленскую обитель, что должно было оставить в его душе свежий глубокий отпечаток.

За это время в столице произошли большие перемены. Со дня кончины Анны Иоанновны († 17.10.1740 года) царский престол номинально принадлежал младенцу-императору Иоанну VI, родившемуся 2 августа 1740 года. Фактической же правительницей России была его мать Анна Леопольдовна.

28 июня 1741 года Швеция, желая взять реванш за свое поражение в Северной войне 1700–1722 годов, объявила войну России, формально выступив защитницей прав на всероссийский престол цесаревны Елисаветы и голштинского герцога Петра.

24 ноября, когда по указу правительницы Анны Леопольдовны гвардия должна была выступить к Выборгу, и Елисавета, решившись начать борьбу за престол, перешла к решительным действиям. В ночь с 24 на 25 ноября она при помощи гренадеров Преображенского полка арестовала правительницу и провозгласила себя императрицей. За оказанную Елиса-

вете услугу гренадерская рота Преображенского полка получила название «лейб-компаний». Все остальные офицеры и солдаты гвардии были повышены в чинах. Иван Игнатьевич Ушаков был пожалован чином сержанта.

Получившие различные привилегии гвардейцы могли теперь жить на более широкую ногу. Но когда на одной из многочисленных вечеринок один из его товарищей, только что весело игравший на гусях, на глазах у Ушакова внезапно упал и умер, это направило жизнь Иоанна на путь спасения. Им овладели смертная память и глубокое покаянное чувство, он почувствовал отвращение к миру, и, не имея надежды на скорую отставку, решился тайно удалиться в пустыню.

Будущий старец Феодор тщательно подготовился к бегству из мира, и в теплое время 1743 года в законном порядке выехав домой на побывку, за Петербургом отпустил своего слугу с лошадьми и всем скарбом обратно, а сам переделся в нищенскую одежду, и направился в Архангельские пределы. Благополучно добравшись до берегов Северной Двины, Иоанн Ушаков нашел себе в поморских лесах пустующую келью, и начал отшельнически подвизаться, целых три года голодая, холодая и терпя различные злоключения от поселян, когда в случае крайней нужды или необходимости приходил к ним из леса. В те времена государственные сыскные команды требовали от местных жителей задерживать и передавать под арест живших в окрестных лесах и вызывавших их большое недоверие пустынников и беглых раскольников. По этой же причине и Иоанн в один из своих вынужденных выходов в жилой поселок был схвачен, обруган, связан, избит и отправлен для сдачи в острог в Архангельск. Лишь особое небесное заступничество освободило молодого отшельника от нависшей над ним беды. Его обидчики внезапно до такой степени ослабели, что вынуждены были бросить свою жертву прямо на дороге.

Измученный Иоанн пришел в Площанскую общежительную пустынь Орловской губернии, в которой с 1741 по 1746 годы начальствовал иеромонах Иоасаф, бывший учеником и преемником возобновителя пустыни

иеромонаха Тихона, и по его просьбе возвратившийся сюда из Брянских лесов, чтобы по-прежнему разделять с ним скорби и помогать ему в трудах. В последний год его настоятельства в обители и в первый год настоятельства иеромонаха Пафнутия и пришел к ним Иоанн, которому, как беспаспортному человеку, благословили поселиться в лесной отшельнической келье неподалеку от обители. Но и эта лесная пустыня не стала для него надежным прибежищем, Иоанн был взят сыскной командой, посланной в силу государственных указных повелений для истребления тайных лесных поселений. И, как человек, не имеющий письменного вида и сообщивший при допросе, что он – тайно ушедший сержант гвардии, был доставлен ко двору. Весть о прибытии ставшего отшельником беглеца–гвардейца быстро облетела Петербург. Так что, пока Иван Игнатьевич ожидал под царским крыльцом встречи с императрицей, многие из преображенцев приходили посмотреть на своего бывшего однополчанина.

После личных взаимных объяснений набожная Елисавета простила своего бывшего гвардейца, и повелела ему остаться в столичном Александро–Невском монастыре. По ее же распоряжению после трехлетнего послушнического искуса тридцатилетний Иоанн Ушаков 13 августа 1748 года в присутствии императрицы Елисаветы Петровны был пострижен начальствовавшим тогда в обители архиепископом Феодосием (Яновским) в монахи с именем Феодор в честь святого благоверного князя Феодора, Ярославского чудотворца (память 19 сентября).

Аскетический облик и опыт святого обратили на себя внимание многих из Петербургских жителей, которые, желая жить богоугодно, начали приходить к отцу Феодору и усердно просить его наставлений. Враг спасения стал восстанавливать против благочестивых учеников святого Феодора злых и нечестивых людей, которые всячески досаждали им, называли святошами и раскольниками. Стремительно росла зависть ненавистников и к самому преподобному. Но прошло десять лет, прежде чем старец решился переселиться из Невского монастыря в Саровскую пустынь. Услышав об

этом его желании, враждующие на отца Феодора братья велели подать ему письменное прошение и сами исходатайствовали ему увольнение.

В 1757 году преподобный в радостном состоянии духа выехал из Петербурга, взяв с собой некоторых из наиболее преданных своих учеников и учениц, которые запаслись отпусками от местного начальства и последовали за ним из столицы в провинцию. Прибыв в город Арзамас, старец поместил небольшое число своих учениц в девичьем Николаевском Арзамаском монастыре. Сам же поселился с учениками в шестидесяти верстах отсюда в Саровскую пустынь, где тогда настоятельствовал ее пятый строитель Исаакий. В том же 1758 году шестым Саровским строителем стал иеромонах Ефрем (Короткой), примечательный своей строгой монашеской жизнью, терпением, твердостью в искушениях и незыблемой надеждой на Промысл Божий, и, отличавший милостивым отношением к старцу Феодору.

В 1759 году отец Феодор стал опасаться возможных недоразумений, связанных с тем, что он, будучи подначальным монахом, руководит в Сарове и в Арзамасе своими все умножающимися учениками и ученицами, и просил отца Ефрема и старшую братию, доверить ему приписанную к Саровской обители разоренную Санаксарскую пустынь.

Саровский строитель одобрил и благословил благие устремления преподобного. И в том же 1759 году святой Феодор вместе с шестью своими верными учениками поселился в Сретенской обители, чтобы сформировать здесь такую киновию, какую он считал наиболее приемлемой для монашеского делания.

Заметив успешные начинания преподобного Феодора, преосвященный Тамбовский и Пензенский епископ Пахомий призвал его к себе, и благословил принять священство и стать настоятелем в Санаксаре. Старец, по смирению, отказывался от рукоположения, но 13 декабря 1762 года, после 24 лет суровой подвижнической жизни все же был хиротонисан в иеромонаха и утвержден Санаксарским строителем.

Вскоре в Санаксаре собралось до двадцати человек братии. Двенадцать из них были отставными гвардейскими служащими, уволенными по именному повелению императрицы Екатерины II и постриженными в монашество по ее указу от 17 июня 1763 года.

В 1764 году, по именному повелению императрицы, было определено штатное число монастырей и их насельников, а сверхштатные закрывались. Так образом, всего лишь через полтора года после того, как преосвященный Пахомий уговорил старца Феодора принять рукоположение и должность строителя Сретенской пустыни, он внес Санаксар в списки братств, предлагаемых к ликвидации. Но по ходатайству старца перед его бывшими сослуживцами—гвардейцами Алексеем и Григорием Орловыми Санаксар именованным повелением Екатерины II был оставлен в числе штатных пустыней Тамбовской епархии, самому отцу Феодору высочайшим указом от 16 октября 1764 года повелено было стать ее начальником, а в следующем 1765 году другим высочайшим указом от 7 марта Санаксар начал именоваться монастырем, а не пустынью.

Став в 1764 году самостоятельным Санаксарским строителем, преподобный Феодор ввел здесь Студийский общежительный устав по общему церковному чину Саровской пустыни с некоторыми особенностями относительно исполняемого у него монашеского молитвенного правила.

В том же 1764 году преподобный Феодор повелел своим духовным дочерям перебраться из Арзамасского Николаевского монастыря в попавший под сокращение Арзамасский Алексеевский женский монастырь, взял их на свое иждивение и поставил над ними старшей сестру Авдотью Ивановну, происходившую из дворянского рода (ее отец был сержантом гвардии) и последовавшую за ним из Петербурга. Она свято руководила сестрами на протяжении последующих 18 лет.

Преподобный составил для собранной им в бывшем Алексеевском монастыре общины белиц собственный устав, установивший для них пожизненное испытание, при котором даже настоятельницы обители не име-

ли права постригаться в монахини. Он оставлял за ними право постоянного добровольного выбора. И каждая сестра, приходившая в обитель, должна была отдавать себе отчет в том, к чему она стремится и что должна делать. Перед теми же, кто не находил в себе силы идти по выбранному пути, ворота в мир не закрывались, и жизнь ошибавшихся не превращалась в трагедию. В Алексеевской общине так же, как и в Санаксаре строгости не отпугивали, а привлекали ищущих спасения.

Таким образом, преподобный устроил сразу же две школы монашеской жизни, испытанные вскорости на право одновременного его руководства перед лицом известной Киевской затворницы Досифеи, монахини-девицы, славящейся рассудительностью и прозорливостью. Двум смущавшимся обширной деятельностью отца Феодора санаксарским братьям, посланным преподобным к ней в Киев, старица ответила в том смысле, что разумная глава может править не только двумя, но и тремя обителями.

Строитель Феодор бдительно следил за духовной жизнью подчиненных. Строгий к себе, он и от братии требовал неукоснительного исполнения всех правил монашеской жизни, основой которой он поставил совершенное отсечение братией своей воли. Принятые в Санаксарском монастыре полные всякого рода лишений условия жизни представляли лучшую школу для воспитания в братии полного самоотвержения. И опытный старец внимательно следил за малейшим проявлением чувств, противных этому первому условию иноческой жизни. Тех, кто не мог сносить его строгих взысканий, старец не удерживал в обители. Зато остававшиеся в монастыре, проходя под его руководством трудную науку беспрекословного послушания и самоотречения, составляли общество, напоминавшее лучшие времена православного иночества. И сам святой настоятель разделял с братией все трудные послушания. После продолжительных церковных служб он рубил дрова, топил печи, готовил на кухне пищу для братии, пек хлеба, чистил посуду, мел полы.

При старце Феодоре жилая часть монастыря развивалась мало; он больше прилагал усилия к тому, чтобы созидать церковные строения для молитвенного собрания всего иноческого общежития и мирских духовных чад, приезжающих в его обитель. Но за два месяца до знаменательного события освящения нижнего зимнего храма Усекновения главы Иоанна Предтечи заложенного поздней осенью 1765 года пятиглавого двухэтажного каменного собора, в июне–июле 1774 года преподобному пришлось следовать за Господом Иисусом взойти на собственную Голгофу и вознестись на крест, с которого не сходят до самой смерти. И пострадать святому пришлось не за что иное, как за свое старческое служение.

За несколько лет перед тем Темниковский воевода Неелов упросил старца Феодора стать его духовным отцом, на что тот согласился с тем условием, чтобы воевода повиновался ему во всем, что касается спасения. Сначала он действительно был послушен своему старцу, но потом стал нарушать посты, делать притеснения подчиненным и при каждом удобном случае брать с них поборы. Все увещания и обличения святого Феодора были тщетны. Как-то в самую горячую пору полевых работ воевода заставил крестьян строить ему покои. Те пришли к отцу Феодору с просьбой заступиться за них перед воеводой, выпросить им позволение убрать поля, чтобы не умереть от голода. Тронутый их бедствием старец 24 октября 1773 года поехал в город Темников и хотел поговорить с Нееловым прямо на месте затеянного им строительства, но тот уже отбыл в свой дом. Старец отправиться за ним следом. Тогда давно тяготившийся его наставлениями и упреками воевода велел позвать преподобного в канцелярию. И, когда старец по праву духовного отца безбоязненно пересказал своему духовному сыну все его неправды и убеждал прекратить притеснения бедных, тот вызвал собранных в другой комнате свидетелей–чиновников в «присутствие», и велел записать в протокол, что настоятель Санаксарской пустыни называл его «при зеркале» грабителем; а затем представил составленный обвинительный протокол воронежскому губернатору. Губер-

натор донес об этом императрице Екатерине II, а та дала повеление Синоду расследовать это дело. Следует отметить, что обвинение старца Феодора в непочтительности к власти и чуть ли не в подстрекательстве к бунту было выдвинуто в самый разгар связанных с Пугачевым событий.

В ноябре 1773 года из темниковской воеводской канцелярии было донесено и во владимирскую консисторию, что 24 октября Феодор явился в канцелярию в судейскую камеру в «присутствие» воеводы, и говорил ему, что он разоритель и грабитель народа. На требование консистории Феодор объяснил свой поступок тем, что до него дошли многие жалобы на грабительство воеводы. Губернатор вызвал старца в Воронеж для расследования, и он отправился туда вместе со своим послушником и учеником Феодором Соколовым. Преподобный подал объяснительную записку и немедленно был отпущен. На обратном пути он посетил Задонскую обитель, чтобы принять благословение находящегося там на покое святителя Тихона, и провел с этим подвижником три дня и три ночи в совместных беседах и молитве.

В январе 1774 года воронежский губернатор сообщил в Синод, что Санаксарский строитель обратился к нему с жалобами на воеводу, но обвинения его оказались несправедливыми. Не удержался от того, чтобы подлить масла в огонь и Владимирский преосвященный Иероним, который донес Синоду, что настоятель Санаксарского монастыря иеромонах Феодор оказался виновен и в том, что в 1768 году он без ведома архиерея лишил священнослужения и братской трапезы иеромонаха Венедикта и иеродиакона Пармена за то, что они просили освободить их по слабости здоровья от установленной Феодором в церкви продолжительной службы. Когда названные монахи для жалобы самовольно отлучились во Владимир и Москву, Владимирский епископ Павел за самовольную отлучку послал их на год во Флорищеву пустынь на работы и в чередное служение с тем, чтобы по прошествии года они снова вернулись в Санаксарскую обитель. Но Феодор остался недоволен таким решением и требовал, чтобы винов-

ные были возвращены для несения положенной епитимьи в его монастырь. Когда же архиерейским указом дано было ему знать, что по 39–му Апостольскому правилу лишь архиерей имеет право запрещать в священнослужении, Феодор, не признавая себя виновным, в своем рапорте толковал Правила и указы с досаждением и поношением для своего архиерея, что апостольское слово и гражданские указы приказывают покоряться таким пастырям, которые хранят Божии законы и порученных им содержат законно, а не тем, кто идут против законов Божиих и судят несправедливо. Епитимья виновным монахам, по мнению Феодора, была наложена архиереем неправильно и потакала их самовольству, а если бы они были присланы к нему, то епитимья им была бы чувствительнее. Феодор требовал переноса дела на суд Синода, но за смертью епископа Павла († 9.08.1769) об этом дерзновении его никакого представления тогда сделано не было.

Опираясь на все эти сведения, Синод на своем заседании 24 мая 1774 года нашел старца Феодора заслуживающим за все указанные дерзновения лишения настоятельства и священства. Сенат добивался для преподобного еще более строгого наказания в виде лишения его монашества и предания светскому суду. И так как старец был из дворян, то дело было представлено на утверждение государыни, которая 16 июня 1774 года повелела «онаго Феодора, лиша настоятельскаго и иеромонашескаго звания, отослать яко человека безпокойнаго простым монахом в Соловецкий монастырь, препоручив начальнику онаго монастыря неослабное за ним смотрение».

14 июля 1774 года святой в сопровождении конвоя из двух солдат отправился в дальний путь на Соловки, куда его с неопикуемой скорбью и жалостью провожали из Санаксара ученики, а из Арзамаса ученицы.

Хотя преподобный Феодор был сослан не в качестве заключенного, а как поднадзорный монах, положение его оказалось очень сложным. По приезде в обитель ссыльного монаха поместили в похожую на каменный мешок келью, где старец сильно страдал от холода и угара, из-за которого не раз был близок к смерти, так, что его выносили из кельи и оттирали сне-

гом. Эти лишения сильно подорвали его здоровье, и преподобный до конца своей жизни страдал мучительными приступами удушающего кашля. Там старец Феодор провел в скорбях и болезнях долгих девять лет, и жил бы до смерти, если бы Промысл Божий не устроил ему возвратиться оттуда в родную Санаксарскую обитель. Случилось так, что один из учеников отца Феодора – иеродиакон Феофан, бывший при нем в Санаксаре послушником Феодором Соколовым, стал в 1783 году келейником и доверенным помощником Санкт–Петербургского и Новгородского митрополита Гавриила, и как только представилась ему такая возможность, попросил владыку защитить своего безвинно страждущего старца, и освободить его из Соловецкого заточения.

Ни один из источников не упоминает того обстоятельства, что с именем преосвященного Гавриила (Петрова) связаны не только оправдание, но и осуждение старца Феодора. Так, что из их чтения может создаться ошибочное впечатление имевшего место снисходительного заступничества всесильного митрополита в ответ на просьбу своего келейника без каких–либо личных чувств и мотивов. Но Господь все устроил так, чтобы судьбу преподобного Феодора теперь решали непосредственные участники тех давних событий: бывший Санаксарский послушник иеродиакон Феофан (Соколов) – достойный ученик святого, знавший всю правду о его исповедническом подвиге, сопровождавший своего старца в Воронеж для дачи показаний губернатору и даже писавший тогда объяснительную записку под диктовку преподобного; митрополит Гавриил (Петров), бывший с 1770 года архиепископом Санкт–Петербургским и Ревельским и первенствующим членом Святейшего Синода, в 1774 году осудившего оклеветанного старца; и лично знавшая Санаксарского строителя Феодора императрица Екатерина II, собственноручно одоббившая предложение Синода.

В Великий Четверток 1783 года митрополит Гавриил, совершая чин умовения ног в дворцовой церкви, объяснил после службы дело отца Феодора Екатерине, и уверил ее, что старец страдает напрасно и, уже девятый

год находясь в Соловецком заточении, совершенно изнемог от холодного климата и разных лишений. Государыня не стала медлить с исправлением собственного несправедливого решения. На другой день – 18 апреля – к преосвященному было прислано ее высочайшее повеление о возвращении монаха Феодора из Соловецкого монастыря в Санаксарскую обитель в прежнем сане иеромонаха. Владыка тут же принял его к исполнению.

9 октября 1783 года старец прибыл в Арзамас, и к общей радости своих учениц остановился на созданном им в свое время Санаксарском подворье. К нему пошло неисчислимое множество людей – настоятелей окрестных монастырей, монахов, священников, горожан, купцов, дворян – все искали возможности благословиться у преподобного и услышать его слово. По прошествии недели преподобный отправился в свою родную обитель, где братия устроила ему торжественную и теплую встречу.

Строгая жизнь и пастырские дарования святого вновь начали привлекать к нему многих монашествующих и мирских людей. И вместе с тем подали повод сначала к ревности, а затем и к зависти к преподобному со стороны ставшего в 1778 году Санаксарским настоятелем иеромонаха Венедикта. Он и обличаемые ревностным старцем нерадивые братия восстали на святого, и стали жаловаться епархиальному начальству, будто отец Феодор смущает обитель: ученики ходят к нему безвременно толпами, и братия расстраивается его неблагоразумными советами, чуждаясь и желая сместить законного настоятеля. Велено было провести по этому поводу расследование. И вследствие разбора пристрастно поданного настоятелем Венедиктом дела, святой стал жить взаперти, и никому из мирян и братии не дозволялось входить к старцу и говорить с ним о духовных нуждах. А его Алексеевские ученицы получали в это время разрешение недоумений и утешение через получаемые от отца Феодора письма.

Лишь после того, как Санаксарская обитель была переподчинена Тамбовской епархии, и с 22.09.1788 года епархиальным архиереем для монастыря стал Тамбовский и Пензенский епископ Феофил (Раев), бывший

викарий Новгородской епархии покровительствующего преподобному Феодору митрополита Гавриила, а указом Тамбовской духовной консистории от 14 февраля 1789 года в должности Санаксарского настоятеля был утвержден бывший до этого казначеем монастыря один из преданных учеников и первых постриженников старца Феодора иеромонах Вениамин, преподобный Феодор получил полную свободу и разрешение на выезды, и в оставшиеся два года своей жизни несколько раз ездил в Арзамас к своим духовным детям, чтобы лично побеседовать с ними и разрешить их духовные нужды.

Святой старец Феодор мирно отошел в вечность в среду сырной седмицы, в десятом часу вечера 19 февраля 1791 года, и без всяких признаков тления был погребен у соборного храма возрожденной им обители.

Вторая глава диссертации «Образ старчества преподобного Феодора, его прижизненное и посмертное почитание и прославление в лике святых» занимает со 103-й по 203-ю страницы работы.

В подавляющем большинстве случаев святые почитаются хорошо знавшими их или же только слышавшими о них людьми еще при своей жизни. Не явилось исключением и благоговейное отношение к имени преподобного Феодора большинства его современников. Еще до начала своей старческой деятельности он обращал на себя внимание приходящих помолиться в Александро–Невскую обитель петербуржцев. Необычность пройденного им до этого подвижнического пути: бегство от мира, суровое отшельничество и милостивый суд над ним императрицы Елисаветы, вместе с запечатленной на его лице духовностью располагали людей просить у святого молитвенной помощи и духовного совета.

Отец Феодор не искал себе учеников и учениц. Бывшего отшельника, поневоле оказавшегося в столице и постриженного в знатном придворном монастыре, больше привлекали аскетические упражнения, направленные на очищение своей греховности и спасение собственной души. Внимание мирян и глубина тревожащих их духовных проблем явились для

него полной неожиданностью. Попытка переадресовать их к ученой Александро–Невской собратии не помогла. Люди искали не просто начитанного, а богодухновенного руководителя. И тогда в строгом подвижнике с необычайной силой стали действовать Богом данные любовь к ближним и ревность об их спасении. Впервые встретившись с этим совершенно новым для себя внутренним чувством, преподобный Феодор обратился к Богу с молитвой о вразумлении. Он просил у Господа, чтобы Он открыл ему Свою совершенную волю и в случае богоугодности этого дела научил, что отвечать вопрошающим и как правильно руководить ими на тесном пути спасения в непогрешительном духе Священного Писания. Бог внушил ему благую мысль руководствоваться в толковании Священной истории и Святого Писания трудами святителя Иоанна Златоуста, что будущий великий старец и начал успешно делать.

Общшения с ним стали искать все новые и новые искренне верующие люди. И святой Феодор целиком и полностью удовлетворял их духовные запросы, занимая в сердцах ищущих услышать от него слово назидания людей, место духовного кормчего. Старец руководил ими не от собственного ума, а старался всегда находиться в духе истины. Ответственно подходя к своему новому служению, он стремился больше времени уделять богообщению в непрестанной молитве, внимательном чтении и благоговейном богомыслии. Чтобы выкроить для этого хоть сколько–то свободных от монастырских послушаний и встреч с духовными чадами часов, преподобный Феодор благословил им регулярно собираться под началом наиболее грамотного и духовно опытного его ученика, способного с толкованием читать Священное Писание и отеческие книги, и ограничил личные с ним встречи в обители случаями значительных недоумений. Но даже такой порядок не избавлял святого от зависти и притеснений.

Частые многолюдные посещения и сильная привязанность к отцу Феодору его духовных чад обоего пола раздражали «ученую братию» настолько, что они стали жаловаться на старца и всех ищущих получить от

него духовную пользу священноархимандриту своей обители, архиепископу Сильвестру (Кулябке). Он и сам видел излишнее с его точки зрения усердие приходящих к этому «простому монаху» и благословил запретить им к нему входить. Это повергло насильственно отторгнутых от своего старца почитателей и учеников святого в великую скорбь, но одновременно с этим укрепило их взаимную духовную любовь и привязанность.

Преподобный наставлял их оберегаться воюющих на душу страстей; с благодарением и радостью терпеть находящие за Божию любовь скорби; употреблять немного простой пищи и питья; носить скромное, а не щеголеватое платье. Всем было дано молитвенное правило и рекомендован наиболее спасительный образ жизни.

В среде первых учеников старца Феодора царила удивительная атмосфера кротости и смирения, согласия и единодушия. Между ними никогда не было зависти, лести, раздора или соперничества.

Но несправедливые к нему ненавистники досаждали отцу Феодору даже за то, что он, исполняя послушание стоять у мощей святого Александра Невского, стал доставлять в казну из кружки для пожертвований большую сумму, чем другие. Если бы он не был определен в монастырь по именному царскому указу, так что без высочайшего повеления ему ничего невозможно было сделать, то завистники могли бы довести до того, чтобы заслать его в какой-нибудь удаленный монастырь. Но преподобный, скрывал наносимые ему обиды от императрицы, и все терпел доблестно.

Прошло десять лет такой жизни и, святой Феодор решился переселиться в Саровскую пустынь, о которой давно был наслышан, и поступить куда и прежде имел желание. С ним отправились и некоторые ученицы и ученики, ищущие совершенной – монашеской – жизни, готовые вместе с полным отсечением своей воли перед лицом Богом данного руководителя и на неизбежное ухудшение привычного им столичного быта.

Через несколько лет число тех, кто приезжал к преподобному в Саров из Петербурга, Москвы, Арзамаса и других городов и всей России на-

столько умножилось, что старец испросил благословения Саровского настоятеля на поселение с шестью своими учениками в приписанном к Саровской пустыни заброшенном Санаксаре для его обустройства и возрождения. Старец не думал перенаселять Санаксарскую пустынь, которую замыслил, как строгий общежительный монастырь, больше похожий по особенностям своего быта на скит. Так что и по прошествии трех с небольшим лет, в 1763 году в нем насчитывалось всего лишь двадцать человек братии, из них двенадцать были из отставных гвардейцев, которым Екатерина II разрешила постричься от руки отца Феодора и одновременно войти в его братство.

Почитатели преподобного из Петербурга и Москвы брали на свое иждивение строительство храмов для умножающегося братства Санаксарской обители, и помогали обеспечению и содержанию учениц старца из трудолюбивой Алексеевской общины вдовиц и дев, которых он трогательно называл своими «бедными нищими».

Приводимые в этой главе тексты данных преподобным Санаксарской обители и Алексеевской общине строгих уставов свидетельствуют, что все в них было подчинено внутреннему деланию – молитве в храме и келие, рукоделию и иному монастырскому труду, духовному чтению и, что особенно важно, – незамедлительному откровению смущающих совесть помыслов, устранению любых проявлений нецеломудрия, небрежения, зависти и вражды. За это и ценили боголюбивые ученики и ученицы своего богомудрого старца.

Как истинный добрый пастырь старец никогда и никому не позволял расхищать вверенное ему от Бога словесное стадо. И за такую пастырскую ревность святого Феодора Пастыреначальник Христос утверждал Санаксарское братство и благословлял его Своими явными знамениями.

Составленное учениками старца Феодора его Жизнеописание, как по стилю изложения, так и по содержанию приводимых в нем отдельных ярких эпизодов и самому духу кратких назидательных поучений святого

удивительно напоминает древние патерики. Приводимые в них истории прекрасно характеризуют редкие по силе дарования рассуждения и учительства, данные преподобному свыше. Великий Санаксарский старец целником и полностью был проникнут духом Священного Писания, о благодатном разумении которого он в свое время горячо молился Господу. Все его слова и все его поступки были подчинены этому идеалу.

Под стать преподобному были и его верные ученики. Настоящими были их подвиги, серьезными были и попускаемые им искушения. При этом молитвы и советы святого старца всегда спасали искренних и послушных из них от духовных катастроф и падений. Благо было тем, кто слушал советы старца Феодора и прислушивался к ним и горе тем, кто поступал наоборот.

Преподобный Феодор с большой духовной мудростью отбирал братию для своей обители, о чем, с великим почтением к его памяти передавал своим ученицам не знавший его лично, но много слышавший о нем от его учеников преподобный схимонах Зосима Верховский, 23.07.2000 года торжественно прославленный в Зосимо–Одигитриевой женской пустыни в лике святых Московской епархии.

Но главными благодарными почитателями старца Феодора были его непосредственные ученики, хотя бы немного подвизавшиеся под его началом в Санаксаре.

Первым из них во второй главе диссертации упоминается старец архимандрит Феофан Новоезерский, который с 1771 по 1774 годы был Санаксарским послушником и учеником преподобного Феодора. Помимо инициативы оправдания и освобождения своего святого старца, отец Феофан заслуживает признательность еще и за то, что оставил подробные и красочные описания быта Санаксарской обители, характера ее возобновителя и целого ряда эпизодов, характеризующих его самобытное старчество, его взаимоотношение с учениками, а также дальнейшие судьбы наиболее из них известных.

Это и взятый митрополитом Гавриилом (Петровым) по совету Феофана на архимандрию в Тихфин, а затем в Московский Симонов монастырь ученик и постриженник старца Феодора Санаксарского Игнатий; и возведенный в Пешношские архимандриты не учившийся богословию и прочим высшим наукам, но имеющий великие природные дарования отец Макарий (бывший юный послушник Санаксарского иеромонаха Феодора).

Кроме названных, старец Феофан (Соколов) упоминает бывшего санаксарского послушника Ивана Евдокимовича, в пострижении названного Иоанникием и ставшего затем Коневецким строителем. Он записал две тетради поучений своего святого старца, которые приносил к нему для проверки и одобрения. Выходя из Коневецкого монастыря в Саров, он хотел взять с собой эти поучения, но их отобрали и сожгли враждующие против него монахи, чем многих лишили благой возможности ими пользоваться.

Посмертное почитание преподобного Феодора началось в самый день его упокоения, когда у его святого гроба собралось бесчисленное множество его учеников и учениц, которые оплакивали кончину своего старца и в день его погребения, 22 февраля 1791 года, с благоговением выслушали надгробную речь, сказанную от их лица, иереем Николаем.

Через три месяца преподобный Феодор в великой славе явился во сне своему ученику, архимандриту Тихвинской обители Игнатию, и показывал свою небесную обитель с множеством просторных келий, о чем тот тут же написал в Арзамас Алексеевским сестрам.

Далее в этой главе приводится письмо преподобного старца Паисия Величковского осиротевшей после кончины старца Феодора его ученице настоятельнице Алексеевской общины, схимонахине Марфе (Марии Петровне Протасьевой), в котором он называет «покойнаго во блаженной памяти отца Феодора» «истинным ко спасению наставником», «святым мужем», «духовным отцом и учителем», учащим жить «в совершенном, по Божественному писанию и преданию и учению святых Отец наших, по-

слушании и во всем отсечении воли своя и разума», и подающим «наставление духовное». Из чего следует, что преподобный Феодор был известен святому старцу Паисию, уважаем и почитаем им, но не был его учеником, так как был совершенно самостоятельным старцем.

В Алексеевской общине бережно хранился портрет старца Феодора, по-видимому написанный по просьбе Марии Петровны после его кончины.

Среди следующих настоятельниц Алексеевской общины верной (хотя и заочной) ученицей старца Феодора была Ольга Васильевна Стригалова, прибывшей в общину в августе 1792 года, через пол года после кончины преподобного. Через два года она тайно была пострижена в схиму с именем Олимпиады, в 1813 году, по кончине схимонахини Марфы вынуждена была уступить просьбам сестер и занять ее место и с честью исполняла обязанности настоятельницы 25 лет. Почила же и сподобилась быть погребенной в стенах Свято-Успенской Киево-Печерской лавры 6 августа 1828 года на 56 году от рождения.

Была в Алексеевской общине при настоятельницах-схимонахинях Марфе и Олимпиаде и своя блаженная подвижница Елена из дворян Дяртьевых, славившаяся подвигом Христа ради юродства, прозорливостью и чудотворениями. Еще одна настоятельница, Марфа Павловна, хоть и правила после схимонахини Олимпиады, но преподобного помнила хорошо, так как ее сиротой привели в Алексеевскую обитель трех лет от роду и вся ее жизнь фактически протекла в стенах Арзамасского монастыря. Все упомянутые подвижницы свято чтит память и заветы старца Феодора.

Что касается Санаксарской обители, то, несмотря на все изменения, касавшиеся уставных правил, заметного смягчения обычаев, введенных приснопамятным старцем Феодором, не произошло. Нищенство, перенятое у преподобного его первыми учениками, уступило место той неброской скромности, значение которой самими обитателями монастыря вряд ли осознавалось, настолько она казалась привычной. Зато со стороны особен-

ности Санаксара виделись хорошо, и лишнее подтверждение тому – стойкий авторитет обители у нескольких поколений почитателей духовного подвига преподобного Феодора.

В 1809 году в Темниковском уезде, в принадлежавшей ему тихой деревне Алексеевке, расположенной вблизи Санаксарского монастыря, поселился отошедший от дел адмирал Феодор Феодорович Ушаков, почтивший тем самым память своего родного дяди, горячо молившегося в воссозданной им святой обители о победах русского флота, предводительствуемого его любимым племянником. Святой праведный русский воин, от младенчества взыскавший Господа, нашел в этой родной для себя обители идеальное место для щедрого благотворения, а также для уединения, богомыслия и молитвы. После своего упокоения он был похоронен рядом с преподобным дядей. А ныне канонизирован как святой праведный воин.

Что касается публикаций о старце, то в 1847 году вышли собранные под одной обложкой книги «Жизнь отца Феодора, бывшего настоятеля Санаксарския обители, преставльшагося в 1791 году февраля 19–го дня», отпечатанная на 71 странице небольшого формата в Московской университетской типографии и посвященная ее «издателем Козельской Введенской Оптиной Пустыни М(онахом) П(орфирием) Гр(игоро)вым Богоспасаемой Санаксарской Пустыни», а также «Краткое поучение старца Феодора, настоятеля Санаксарския обители», отпечатанное в той же типографии на 42–х страницах.

Для осуществленного им в 1847 году издания отец Порфирий пользовался рукописью из библиотеки Оптиной пустыни, сейчас находящейся в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки, в фонде Оптиной пустыни – Ф. 214. Оп. 1/41. Д. 286.

Опираясь на подробные указания о порядке опубликования других изданий Оптиной пустыни, осуществленных по благословию преподобного старца Макария его духовными чадами Н.П. и И.В. Киреевскими в то же самое время и в той же самой Университетской типографии, коснемся и

других участников издания рассматриваемых нами книг. Первым среди них следует назвать святителя Филарета, митрополита Московского и священноархимандрита Свято–Троицкой Сергиевой лавры, без которого в Московской епархии и Синоде не решалось ни одно дело. В 1846 году супруги Киреевские просили его благословения на публикацию Жизнеописания старца Паисия с его творениями через профессора Московского университета Степана Петровича Шевырева. Святитель вместе с благословением обещал и свое покровительство этому благому делу. Переписанные набело рукописи посланы были в цензуру к профессору Московской академии Феодору Александровичу Голубинскому. Книга эта на славянском наречии вышла в свет в начале 1847 года под следующим названием: «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского» с его портретом. При этом первом издании напечатано было отдельной брошюрой письмо старца Паисия к бывшей начальнице Арзамасской Алексеевской женской общины Марие Петровне Протасьевой. И тогда же 50 экземпляров этой брошюры были препровождены в дар этой обители. Так было положено начало книгоиздательского дела, продолжавшегося почти до самой кончины преподобного Оптинского старца Макария.

Естественно, что и святитель Филарет Московский, и преподобный Макарий Оптинский, и протоиерей Феодор Голубинский, и ближайший помощник и духовник святителя Филарета преподобный Антоний Радонежский – наместник обители преподобного Сергия – ознакомились с содержанием опубликованного письма старца Паисия и с данной в нем высокой оценкой преподобного Феодора Санаксарского.

Воспользовавшись этим обстоятельством, уже имевший издательский опыт монах Порфирий (Григоров) провел отредактированную им рукопись жизнеописания старца Феодора по буквально только что проторенной преподобным Макарием и его помощниками дорожке. Ее рецензировали в Санкт–Петербурге, а напечатали в уже знакомой нам Университетской типографии в Москве. В развитие этих событий «Крат-

кое поучение старца Феодора, настоятеля Санаксарския обители» с благословения святителя Филарета прошло цензуру у отца Феодора Голубинского, было допущено им 11 июля 1847 года в печать и напечатано во все той же московской типографии одновременно с жизнеописанием старца Феодора.

Собирателем наследия иеромонаха Феодора, вошедшего в состав «Краткого поучения...», как это следует из текста книги, был выше упоминавшийся уволенный на покой Коневецкий строитель Иоанникий.

Наместник Троице–Сергиевой лавры, архимандрит Антоний (Медведев) был близким духовным сыном преподобного Серафима Саровского, с которым имел духовное общение Задонский затворник Георгий. Это обстоятельство могло духовно сроднить его с монахом Порфирием (Григоровым), трижды издававшим жизнеописание и письма своего Задонского старца. И, если отец Порфирий обращался к нему с такой просьбой, то преподобный Антоний, как частый собеседник святителя Филарета, мог содействовать изданию книг о старце Феодоре. Известно ведь, например, из памятной записки преподобного старца Макария Оптинского, что он именно через отца Антония в 1852 году передавал свою просьбу об издании славянского перевода книги святого Исаака Сирина, сделанного старцем Паисием, святому Московскому митрополиту. И преподобный Антоний, «улучив время, в разные времена при разговоре докладывал о сем его преосвященству», что возымело действие, и старец Макарий несказанно был утешен скорым изданием 2400 ее экземпляров.

Экземпляр только что вышедшей книги о старце Феодоре (Ушакове) восемнадцать лет (с 1847 по 1865 годы) находился в личной библиотеке преподобного Антония, о чем свидетельствуют его собственноручные подписи.

В 1857 году было опубликовано «Сказание о жизни и трудах преосвященнейшаго Гавриила, митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго», составленное архимандритом Макарием. В нем подробно излагает-

ся деятельность келейника владыки Гавриила Феофана и рассказывается о старце Феодоре, его учениках, его осуждении и освобождении.

В 1862 году выходит книга «Архимандрит Феофан, настоятель Кириллова–Новоезерского монастыря. Биографический очерк, с портретом покойного о. Архимандрита, и приложением его записок, нравственных наставлений и писем» профессора Н. Субботина. И здесь с большим почтением говорится о значении в жизни отца Феофана его первого Санаксарского старца и судьбах его учеников–послушников.

Настоятельствовавший в Санаксарском монастыре с 1879 по 1884 годы игумен Тихон (Цыпляковский), бывший до и после этого одним из немногочисленных в его Вышенском затворе собеседников святителя Феофана, в 1885 году написал и издал в Темникове, в типографии А.И. Данилова подробное «Историческое описание Темниковского Санаксарского монастыря», сразу же ставшее библиографической редкостью. Поэтому в 1888 году вышло второе издание этой книги. В 1890 году увидело свет составленное игуменом Тихоном «Жизнеописание старца Феодора, Санаксарского монастыря строителя». Обе его книги, несомненно, послужили увековечиванию блаженной памяти преподобного.

Кроме того, «Жизнеописание старца иеромонаха Феодора (Ушакова), восстановителя и настоятеля Санаксарского монастыря», послужившее оживлению памяти об этом неординарном подвижнике и его широкого народного почитания, публиковалось в 1886 году в 3–м, 9–м, 16–м и 22–м номерах Тамбовских Епархиальных Ведомостей.

В 1905 году вышла книга Е. Поселянина «Русская Церковь и русские подвижники XVIII века», в которой среди биографий двадцати русских подвижников и подвижниц есть глава «Старец иеромонах Феодор (Ушаков)» с его портретом, а также главы о его ученице «Настоятельница Арзамасской Алексеевской общины, Марья Петровна Протасьева» и «Гавриил, митрополит Новгородский и С.–Петербургский» с перечислением в последней учеников старца Феодора и рассказом о его освобождении из

Соловков.

В 1906 году архимандрит Никодим (Кононов) включил заимствованные у Поселянина сведения и портрет святого в февральский том публикуемого им «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков», и озаглавил статью о нем «Старец иеромонах Феодор». Он упоминает о Санаксарском старце и в мартовском томе 1907 года в статье «Пустынники в Рославльских лесах» (память 10 марта), где говорит: «Известно только, что в соседних с Рославльскими Брянских лесах в это время жили пустытники – инок Серапион (1717–1721 г.), Феодор Санаксарский (около 1747 г.), иеромонах Площанский Иоасаф (ок. 1730–х годов) и другие». Часто встречаются упоминания о преподобном Феодоре и в публикуемых архимандритом Никодимом жизнеописаниях его учеников, учениц и сподвижников. Тома эти выходили в разные годы.

В 1913 году вышли в свет «Старческие советы некоторых подвижников благочестия 18–19 веков», изданные Русским Афонским Свято–Пантелеимоновым монастырем, в которых помимо «Кратких поучений старца Феодора Санаксарскаго», выбранных из рукописи Алексеевской общины «Кратких беседований о. Феодора с послушницами Алексеевской общины», «Чина церковнаго и устава монастыря», «Наставлений старца иеромонаха Феодора», взятых из книги «Жизнеописание старца иеромонаха Феодора (Ушакова), возстановителя и настоятеля Санаксарскаго монастыря» публикуются его портрет, а также наставления и подвижнические записки архимандрита Феофана Новоезерскаго с подробным изложением отдельных историй из жизни старца Феодора и его ближайших учеников, и наставления схимонаха Зосимы с упоминанием слышанного им в Санаксаре об отце Феодоре. Это самый полный сборник поучений святого, раскрывающий перед внимательными читателями его истинное духовное величие и самобытность.

После изгнания монахов в 1920–х годах монастырь несколько раз переходил из рук в руки. Еще в 1932 году была разрушена до основания

часовня над могилами чтимых ныне святых Феодоров. А в конце августа 1944 года здесь велись целенаправленные раскопки, целью которых было найти останки славного адмирала, чтобы восстановить его былой облик по методу антрополога М.М. Герасимова. Тогда же были вскрыты склеп и гроб преподобного.

Достаточно долго в обители стояла воинская часть, солдаты которой ушли отсюда лишь тогда, когда отпала необходимость в периферийных охранных гарнизонах ядерного центра в Сарове. После них хозяевами здесь стали вандалы—учащиеся профтехучилища.

С 1970-х годов монастырем, как памятником архитектуры Российского значения, занялись реставраторы из мастерских Саранска, Москвы, Пензы, которые вернули храму первозданный облик, а также восстановили колокольню, Владимирскую и Воскресенскую церкви.

В 1991 году была учреждена новая Саранская и Мордовская епархия, которую возглавил только что рукоположенный епископ Варсонофий (Судаков). В связи с этим республиканские власти решили вернуть Русской Православной Церкви Рождество—Богородицкий монастырь, наместником которого был назначен эконом Московского Свято—Данилова монастыря архимандрит Варнава (Сафонов), который на Праздник Святой Троицы совершил первую в возвращенной обители Божественную Литургию. 26 ноября 1991 года вышел специальный выпуск «Саранских епархиальных ведомостей», посвященный Санаксарскому монастырю, в котором тогда подвизалось всего несколько монахов и послушников. Со временем в обители было введено регулярное уставное богослужение, приведены в полный порядок могилы старца Феодора и его племянника адмирала Феодора Ушакова, по которым регулярно стали служить заупокойные литии и панихиды. В Санаксар стали приезжать постоянные богомольцы и паломники.

В 1992 году силами братии было выпущено в свет растиражированное простым репринтным способом отпечатанное на печатной машинке

старое «Жизнеописание и наставления старца иеромонаха Феодора (Ушакова)», вышедшее скромной брошюрой, как издание Саранской епархии и Рождество–Богородичного Санаксарского монастыря. В следующем 1993 году обитель совместно с Саранским братством преподобного Серафима переиздала таким же образом «Историческое описание Темниковского Санаксарского монастыря» игумена Тихона (Цыпляковского). Это было третье за всю историю ее существования издание книги, небольшой тираж которого стремительно разошелся среди многочисленных паломников.

Случаи чудесной помощи братии и богомольцам по молитвам старцу Феодору расположили владыку Варсонофия благословить отца Варнаву готовить материалы к канонизации преподобного, а несколько позже – начать (по рекомендации Комиссии по канонизации святых) запись наиболее достоверных свидетельств чудес и исцелений.

В 1997 году обитель посетили более тридцати пяти тысяч паломников и экскурсантов, а количество ее насельников составило 60–70 человек, дойдя до дореволюционного уровня.

К 1998 году была составлена первая редакция «Жития преподобного и богоносного отца нашего Феодора, Санаксарского чудотворца» на 22 машинописных страницах, набранного компьютерным способом. Она представляла собой русский перевод книги «Жизнь отца Феодора...» 1847 года издания. Кроме того, были составлены два варианта тропаря и один кондак святому.

Преосвященный епископ Варсонофий отвез их вместе с проектом Деяний освященного собора Саранской и Мордовской епархии Русской Православной Церкви «О канонизации преподобного отца нашего Феодора в Санаксарстей пустыни просиявшего» к Святейшему Патриарху Алексию II, который передал их в Комиссию по канонизации святых, сопроводив проект Деяний следующей собственноручной резолюцией: «18.II.1998 ЕВП Митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию, Председате-

лю Синодальной Комиссии по канонизации святых. Прошу разобрать для возможной канонизации в лике местно чтимых святых. Подпись».

Синодальная Комиссия по канонизации святых, получив направленные Святейшим Патриархом материалы (резолуция № 702 от 19.02.1998), обсуждала вопрос о возможности канонизации в лике местночтимых святых Саранской епархии иеромонаха Феодора (Ушакова; 1719–1791) на своем заседании 24 марта 1998 года, после чего просила «Преосвященного епископа Варсонофия собрать дополнительные сведения об этом подвижнике: месте захоронения и состоянии останков, о народном почитании и чудотворениях по его молитвенному предстательству».

В ответ на это была составлена вторая (дополненная до 38 страниц и исправленная) редакция Жития преподобного и богоносного отца нашего Феодора Санаксарского, составленная на основании одиннадцати источников, в том числе материалов Российского Государственного Исторического Архива.

Страницы 26–38 данного Жития содержали семнадцать свидетельств «посмертного молитвенного предстательства старца Феодора (Ушакова), восстановителя и настоятеля Санаксарского монастыря» с указанием 13 имен и 10 адресов исцеленных.

4 мая 1999 года в присутствии старшей монастырской братии и приглашенных из Москвы специалистов состоялись раскопки могил обоих Ушаковых, при которых было произведено обретение честных останков старца–иеромонаха Феодора.

Все происходящее профессионально документировалось и фиксировалось методами аудиозаписи, а также фото– и видеосъемки.

В результате проведенных работ в Житие второй редакции была добавлена страница 24 (а), где говорилось: «В 1904 году на месте погребения иеромонаха Феодора была возведена часовня. Во время гонений на Русскую Православную Церковь в 1920–х годах монастырь был закрыт, в 1930–х годах часовня над могилой преподобного была разрушена. В 1991

году Санаксарский монастырь был возобновлен. 4 мая 1999 года были обреты честные мощи преподобного Феодора, которые впоследствии были перенесены в храм, им воздвигнутый».

Все указанные материалы вместе с проектом иконного изображения святого и новым проектом Деяний о его канонизации были отправлены в Синодальную Комиссию по канонизации святых. Таким образом, в ответ на свой запрос более чем годичной давности «Комиссия получила дополнительные сведения об иеромонахе Феодоре (Ушакове; 1719–1791)» и повторно «обсуждала вопрос о возможности (его) канонизации в лике местночтимых святых Саранской епархии» на своих заседаниях 12–13 мая 1999 года. «На основании представленных материалов члены Комиссии, учитывая праведное житие, чудотворения и непрекращающееся народное почитание, не нашли препятствий для благословения (Святейшим Патриархом Алексием II) канонизации в лике местночтимых святых Саранской епархии иеромонаха Феодора». Кроме того, «Комиссия рассмотрела и одобрила проект Деяния о канонизации преподобного Феодора, старца Санаксарского и представленный проект (его) иконного изображения», о чем и направил свой рапорт от 13 мая 1999 года Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Председатель Синодальной Комиссии по канонизации святых Святейшему Владыке.

В тот же день Высокопреосвященнейший Владыка Ювеналий отправил официальный ответ Комиссии Преосвященнейшему Варсонофию, епископу Саранскому и Мордовскому.

Окрыленная таким ходом событий Санаксарская братия стала готовиться к намеченным на 10–11 июля 1999 года торжествам прославления старца Феодора в лике преподобных книгу его Жития, а также думать о составлении ему службы и акафиста, и должном приготовлении святых мощей преподобного к облачению. Параллельно с этим заканчивалось изготовление строгой, но богато украшенной резной деревянной раки и резного изображения святого на ее крышке, писались в самой обители и

жертвовались из других мест иконы этого святого старца. А честь провести медицинское освидетельствование останков иеромонаха Феодора (Ушакова), подготовить их к облачению, а затем составить ему полную бденную службу и акафист, выпала на долю автора данной работы.

На торжества канонизации прибыли архиепископы Пензенский и Кузнецкий Серафим († 2000), Ульяновский и Мелекесский Прокл, епископ Саранский и Мордовский Варсонофий, наместники и игумены монастырей епархии, многочисленное духовенство и верующие. Местное телевидение и радио заранее объявили о предстоящих торжествах, поэтому участие в этом знаменательном событии приняли многочисленные паломники из Саранска и других городов и весей Мордовии.

10 июля в пять часов вечера началось уставное всенощное бдение в Иоанно–Предтеченском храме, которое совершалось собором архиереев и сонмом духовенства. Под пение литийной стихир крестный ход, возглавляемый епископом Варсонофием, направился в Воскресенскую кладбищенскую церковь, где была отслужена панихида, и гроб с честными останками угодника Божия был перенесен в соборный храм обители. При этом в крестном ходе приняли участие несколько тысяч богомольцев.

По завершении Божественной Литургии начался первый молебен у мощей новопрославленного святого. Под колокольный звон и молитвенное пение угоднику Божию честные мощи преподобного Феодора были обнесены крестным ходом вокруг собора Санаксарского монастыря и с благоговением положены в приготовленную для них раку.

Вторая глава диссертации заканчивается выдержками из выступлений преосвященных архиепископа Пензенского и Кузнецкого Серафима и епископа Саранского и Мордовского Варсонофия.

Последняя – третья глава диссертации «Гимнография, посвященная преподобному Феодору», занимает ее 204-254-ю страницы, и рассказывает об обстоятельствах, побудительных причинах и источниках вдохновения при составлении проектов полной бденной службы с двумя канонами и

акафиста преподобному и богоносному отцу нашему Феодору Санаксарскому. Гимнография, составленная в стенах Санаксарской обители и Лавре преподобного Сергия, построена в соответствии с хронологией жития святого старца Феодора, и конкретно и красноречиво раскрывает путь его старческого становления и служения, а также оттеняет его самобытность, выяснение которой и являлось главной целью всего нашего исследования.

В этой главе подробно, практически пословно, передается содержание церковно-славянских службы и акафиста на русском языке со сделанными в подстрочнике 285-ю ссылками с параллельными текстами Священного Писания Ветхого и Нового Завета и одной иллюстрацией об «источнике живой воды».

Выводы

1. Знакомство с личностью и трудами преподобного старца Феодора Санаксарского позволяет нам утверждать, что он был одним из тех редких богодухновенных отцов, которые в силу исключительных жизненных обстоятельств наставлялись на пути своего спасения прежде всего по вдохновению свыше, и затем уже на основании накопленного положительного духовного опыта и опять таки в силу необходимости начинали окормлять других. Его жизнеописание ясно показывает, что сам святой не проходил начальной школы послушания у подобного себе старца и никогда не был чьим-либо учеником в исконном аскетическом смысле этого слова. Преподобный Феодор был самородком.

2. Решительное бегство из мира, положенное начало строжайших подвигов воздержания и молитвы в суровом одиночестве на берегах Северной Двины; гонение от поморов и продолжение отшельнической жизни в Брянских лесах неподалеку от Площанской пустыни; арест сыскной командой и исповеднический подвиг в царских чертогах; жизнь за послушание и постриг в Невском монастыре; начало окормления мирян, не будучи в сани, по призванию свыше в ответ на мольбы ближних; наветы, преследования и укоризны на фоне непрекращающегося молитвенного подвига и

внимательного изучения творений святых отцов; рано накопленный богатый иноческий и старческий опыт – постоянно привлекали к отцу Феодору умудряющую и укрепляющую его Божественную благодать.

3. Непродолжительное, но продуктивное пребывание в общежительной Саровской пустыни, знакомство с ее уставом, сильными и слабыми сторонами ее быта, вместе с полученными от неоскудевающей благодати Святого Духа дарами, дали ему силы возобновить для строгой общежительной иноческой жизни на древних основах монастырского старчества разоренную мужскую Санаксарскую пустынь, а затем и упраздненный Арзамасский Алексеевский женский монастырь, где подвизалась по данному им уставу многочисленная община «белиц» – девиц и вдовиц, не принимающих монашеского пострига, а терпеливо живущих всю жизнь на послушании.

4. Помимо евангельских и апостольских изречений, старец Феодор часто цитировал святителя Иоанна Златоуста († 407) – первоначального и основного своего наставника в деле учительства, преподобных Иоанна Лествичника († нач. VII в.), Феодора Студита († 826), святителя Феодора Едесского († 848) и Скитский патерик. Ученики и ученицы преподобного, насыщавшиеся подобной духовной пищей, в основной своей массе являли в себе примеры достойного подражания своему святому наставнику. И он по завету древних отцов требовал от них полной веры, искренности в словах и поступках, отсечения собственной воли и жизни по совету и заповеди старца, учил их не спорить и не прекословить, а также чисто и совершенно открывать помыслы и исповедывать грехи.

5. Откровение помыслов было обязательным в обеих обителях, окормляемых отцом Феодором. В этом он опирался на поучения Лествичника и другие отеческие писания о монашестве. Братия должна была открывать свои помыслы ему самому, а сестры – своей наставнице, и по ее усмотрению, в особо затруднительных случаях, ему тоже. Помыслы им открывались не как старшим по положению, а как наиболее преуспевшим в

духовной жизни. Внутреннее полномочие на принятие обязательного откровения помыслов и их врачевание сообщала старцу и настоятельнице благодать Святого Духа. И такое откровение было самым сильным духовным оружием в руках преподобного Феодора. И старец действовал здесь с такой любовью и властью, что все отходили от него успокоенными, утешенными и умиротворенными.

6. Вести по пути духовного делания может только тот, кто опытно прошел путь борьбы со страстями и злом. Но для того, чтобы управлять собой и другими, необходимо иметь подаваемый Богом дар рассудительности. Святой Феодор как подлинный старец сполна обладал этим даром. Умело им пользуясь, он по воле Святого Духа победоносно умерщвлял в падшей воле своих учеников все их страсти. И умел, как искусный духовный врач, проникать до глубины души своих чад, замечать зарождающееся в них зло и указывать подходящее врачевство.

7. Влияние старца Феодора распространялось далеко за пределы его обителей, так как он окормлял не только иноков, но и мирян. Всех их он назидал, увещевал и утешал (1 Кор. 14, 1, 3), исцелял от душевных и телесных болезней, предостерегал от опасностей, указывал дальнейший жизненный путь, открывая вопрошающему Божию волю. И нередко его старчество заявляло о себе, как о пророческом служении. И перед этим явлением становились в тупик не только гражданские власти, но и представители церковной иерархии.

8. Благодатное старчество является одним из высочайших достижений духовной жизни, ее цветом, венцом духовных подвигов, плодом безмолвия и Богосозерцания. Оно органически связано с иноческим внутренним подвигом, имеющим своей целью достижение бесстрастия. В беге времен старчество процветает в том или ином месте, достигает апогея своего развития, потом ослабевает, приходит в упадок и даже совсем забывается, чтобы опять возродиться. Так оно было почти забыто к XVIII веку в России, но во второй его половине опять возродилось и стало затем про-

цветать не в одном, а во многих местах. И преподобный старец Феодор Санаксарский явился одним из первых, самых видных и самобытных его возродителей.

Биография докторанта

Игумен Агапит (Юрков Алексей Алексеевич) родился 19 марта 1962 года в городе Уфе, в семье служащих. В 1964 году вместе с семьей переехал на постоянное место жительства в город Одессу. В 1979 году окончил Одесскую СШ №64, и поступил на Лечебный факультет Одесского медицинского института имени Н.И. Пирогова, который с отличием окончил в 1985 году. В 1985-86 годах прошел одногодичную специализацию – интернатуру – по специальности травматология и ортопедия в Городской клинической больнице №11 города Одессы. Как молодой специалист с 1986 по 1989 годы отработал по распределению Министерства Здравоохранения Украины в Белгород-Днестровской центральной городской больнице Одесской области в качестве ургентного травматолога, ординатора и заведующего травматологическим отделением. В 1989 году поступил по конкурсу в двухгодичную клиническую ординатуру при кафедре травматологии, ортопедии и военно-морской хирургии Одесского медицинского института имени Н.И. Пирогова, которую окончил в 1991 году. По распределению Министерства Здравоохранения Украины по окончании обучения с 1991 по 1993 годы работал ординатором травматологического отделения Беляевской центральной районной больницы Одесской области. В 1992 году А. Юрков стал соискателем-диссертантом кафедры травматологии, ортопедии и военно-морской хирургии Одесского медицинского института имени Н.И. Пирогова, и запланировал кандидатскую диссертацию «Оперативное лечение вывихов акромиального конца ключицы», которая была защищена 22.06.1993 года в Специализированном Ученом Совете Украинского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии в городе Киеве. В сентябре этого же года ВАК Украины присвоил ему ученую степень кандидата медицинских наук. С сентября 1993

года перешел на работу в Городскую клиническую больницу №11 в качестве врача-травматолога 4-го, а с ноября 1993 года – 2-го травматологического отделения. 22 июня 1995 года он был аттестован на высшую категорию врача травматолога-ортопеда. По совету и благословию бывшего ректора Московской Духовной Академии и Семинарии, епископа Филарета (Карагодина) поступил в июле 1995 года в первый класс Московской Духовной Семинарии при новом ректоре, епископе Евгении (Решетникове). С его благословения в июне 1996 года запланировал подготовленную врачебную докторскую диссертацию и стал соискателем-докторантом кафедры травматологии, ортопедии и военно-морской хирургии Одесского медицинского университета. Весной 1997 года прошел предварительную защиту в Специализированном Ученом Совете Украинского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии в городе Киеве, получив положительные отзывы всех трех оппонентов и рекомендации представить работу к официальной защите. В ноябре 1997 года перевелся из 3-го в 4-ый класс Московской Духовной Семинарии. 27 марта 1998 года ректором, епископом Евгением докторант был пострижен в монашество в честь преподобного Агапита, врача Киево-Печерского, 17 апреля 1998 года рукоположен в иеродиаконы. В 1998 году окончил Московскую Духовную Семинарию и был принят на первый курс Московской Духовной Академии. 19 января 1999 года рукоположен ректором, епископом Евгением в иеромонахи. В июне 2002 года окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия за сочинение по кафедре Истории Русской Церкви «Преподобный Феодор Санаксарский как самобытный возродитель русского монастырского старчества второй половины XVIII века». В Успенском посту того же года был принят в число братии направлявшей его на учебу Одесской Свято-Успенской обители, и с осени 2002-2003 учебного года нес послушание дежурного преподавателя Одесской Духовной Семинарии, а в 2003-2004 учебном году преподавал в третьих и четвертых классах Гомилетику (историю и теорию проповедничества).

Благодаря врачебным профессиональным знаниям и навыкам, в сентябре 1994 года в городе Одессе А. Юрков освидетельствовал и помогал облачить честные мощи преподобного Кукши (Величко), в июле 1996 года – праведного Ионы (Атаманского), а в июне 1997 года – святителя Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского. В конце марта 1998 года, уже монахом Агапитом, был приглашен в Полоцк для переоблачения нетленных святых мощей преподобной Евфросинии, игуменьи и княжны Полоцкой, покоящихся в Спасо-Евфросиниевом Полоцком женском монастыре. 14 октября 1998 года иеродиакон Агапит освидетельствовал и облачил только что обретенные мощи архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Антония (Медведева), ученика преподобного Серафима Саровского, прославленного 16 октября в лике Радонежских святых. 9–10 июня 1999 года иеромонах Агапит подготовил к облачению и освидетельствовал святые мощи известного старца XVIII века – иеромонаха Феодора (Ушакова), строителя и возобновителя Рождество-Богородичного Санаксарского мужского монастыря, обретенные 4 мая 1999 года. По просьбе настоятеля монастыря архимандрита Варнавы перед самым прославлением святого, он составил проект своей первой полной бденной службы, песнопения и молитва из которой нашли себе применение во время торжественного прославления великого Санаксарского старца 10-11 июля 1999 года. К осени этого года им был составлен и акафист преподобному Феодору, употребляющийся в монастыре в своей русифицированной редакции. В марте 2000 года освидетельствовал и облачил честные мощи священноисповедника Романа Московского (духовного сына святого праведного Иоанна Кронштадтского, близкого святителю Тихону, Патриарху Всероссийскому старца-протоиерея Романа Медведя), которого в августе этого же года на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви причислили к лику святых в сонме новомучеников и исповедников Российских). 9 октября 2000 года в Серафимо-Дивеевском женском монастыре иеромонах Агапит освидетельствовал только что обретенные святые мощи преподобных схи-

монахинь Александры (Мельгуновой), Марфы (Мелюковой) и монахини Елены (Мантуровой). С 16 на 17 июня 2001 года в канун дня памяти Всех святых, в земле Российской просиявших по благословению Святейшего Патриарха Алексия принимал участие в обретении, и провел медицинское освидетельствование и подготовку к облачению святых мощей праведного протоиерея Алексия (Мечева), Московского старца в миру и чудотворца. В мае 2002 года по приглашению Наместника Свято-Успенской Почаевской Лавры, Преосвященного епископа Владимира (Мороза) иеромонах Агапит поднимал и облачал святые мощи преподобного старца Амфилохия (Головатюка) в Почаеве. Перед Благовещением 2006 года по благословению архиепископа Феодосия (Бильченко) он полностью переоблачил в Полоцке многоцелебные и благоуханные мощи преподобной игумении Евфросинии. Осенью того же года по приглашению архиепископов Тернопольского Сергия и Почаевского Владимира поднимал и облачал в Кременецкой женской обители честные останки священномученика Алексия (Громадского), митрополита Луцкого и Волынского, и по благословению архиепископа Аристарха (Станкевича) освидетельствовал и облачал святые мощи преподобной схимонахини Манефы (Скопичевой) в Гомеле.

Иеромонах Агапит составлял уже опубликованные в России и Украине жизнеописания Санаксарского возобновителя древнего старчества преподобного Феодора, Христа ради юродивых блаженных Киевских старцев схимонахинь Серафимы (Феодоровой) и Марии (Димаровой) и девицы Екатерины (Моленко), Мичуринской схимонахини Серафимы (Белоусовой), Бессарабских праведных братьев Иоанна и Василия Кривцовых, рукопись жизнеописания Гомельской схимонахини Манефы (Скопичевой), а также бденную службу преподобным Александре, Марфе и Елене Дивеевским, бденную службу и акафист преподобному Амфилохию Почаевскому, бденную службу и акафист готовящемуся к прославлению священномученику Алексию (Громадскому), митрополиту Луцкому и Волынскому,

бывшему экзарху всея Украины и акафист готовящейся к канонизации преподобной схимонахине Серафиме Мичуринской.

Церковные публикации игумена Агапита (Юркова)

1. Подвижники благочестя. Спогади про подвижниць благочестя XIX-XX століття, Христа ради юродивих, блаженних схимниць Серафиму та Марію, що спочивають на Святошинському цвинтарі м. Київа. // «Православний Вісник» № 4. – 1998. – С. 43-61.
2. Подвижники благочестя. Блаженная Екатерина. // «Православний Вісник» № 1. – 1999. – С. 60-79.
3. Санаксарский возобновитель древнего старчества. Житие преподобного Феодора Санаксарского. – Москва. – 2005. – 252 с.
4. Житие и чудеса Мичуринской старицы схимонахини Серафимы. – Одесса. – 2006. – 133 с.
5. Праведные братья Иоанн и Василий Кривцовы и Введенское богоугодное заведение. – Одесса. – 2007. – 22 с.